

ПОСТПРАВО И ЕГО СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ

© 2022 г. С. А. Бочкарёв

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: bo4karvs@yandex.ru

Поступила в редакцию 10.01.2022 г.

Аннотация. В статье проверено наличие у постмодерна и постправа как производного от него продукта социально-психологического основания. В связи с этим рассмотрена обоснованность использования состояния разочарованности как психологического феномена для критики модерна и объяснения происхождения постмодерна. То есть того фундирующего волнения, которое, по убеждению постмодернистов, возникло вследствие тотального кризиса и запустило механизмы переоценки ценностей, ломки стереотипов, смены ролевого поведения и отказа от имплицитных представлений. По итогам выявлено, что разочарованность искусственно используется постклассиками для оправдания отстаиваемых концептов. Социально-психологическая дестабилизация наступила не в связи с обрушением идеалов модерна, а по причине погружения человечества в неизведанную виртуально-цифровую обстановку, познание которой изменит социум и одновременно вернет его в положение равновесия. Однако постмодерн игнорирует реальность, опровергает модерн, винит его в кризисе и низвергает действующее знание о праве, ангажировано конструирует постправо из антиценностей и проводит его в жизнь, образуя тем самым еще один центр турбулентности.

Ключевые слова: постмодерн, постправо, постклассика, психосоматика, симулякр, кризис, неопределенность.

Цитирование: Бочкарёв С.А. Постправо и его социально-психологический портрет // Государство и право. 2022. № 5. С. 20–32.

DOI: 10.31857/S102694520018161-8

POST-LAW AND ITS SOCIO-PSYCHOLOGICAL PORTRAIT

© 2022 S. A. Bochkarev

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: bo4karvs@yandex.ru

Received 10.01.2022

Abstract. The article verifies the presence of postmodernism and post-law as a product of socio-psychological foundation derived from it. In this regard, the validity of using the state of frustration as a psychological phenomenon to criticize modernity and explain the origin of postmodernism is considered. That is, the underlying excitement that, according to postmodernists, arose as a result of a total crisis and triggered mechanisms for reevaluation of values, breaking stereotypes, changing role behavior and abandoning implicit ideas. As a result, it was revealed that disillusionment is artificially used by post-classics to justify the concepts defended. The socio-psychological destabilization occurred not due to the collapse of the ideals of modernity, but due to the immersion of mankind into an unknown virtual-digital environment, the knowledge of which will change society and at the same time return it to a position of equilibrium. However, the postmodern ignores reality, refutes modernity, blames it for the crisis and overthrows the current knowledge of law, biased constructs post-law from anti-values and brings it to life, thereby forming another center of turbulence.

Key words: postmodern, post-law, post-classics, psychosomatics, simulacrum, crisis, uncertainty

For citation: Bochkarev, S.A. (2022). Post-law and its socio-psychological portrait // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 5, pp. 20–32.

Постмодерн и его психосоматика

Для обоснования и утверждения в правоведении постклассического дискурса его идеологи используют широкий спектр аргументов. К числу основных относят принадлежность постмодерна к общекультурным феноменам современности.

Отдельное и весьма существенное внимание постклассики уделяют поиску социально-психологической аргументации, объясняющей насущность и жизненную необходимость освоения закономерностей постмодерного мышления для организации жизнедеятельности человека в соответствии с требованиями изменившегося мира. Интерес к данной стороне постмодерна понятен. Он обусловлен широкой включенностью рассматриваемого аспекта в общественную среду. Через подтверждение наличия в составе постмодерна психологического элемента обозначается его укорененность в социальный организм и происхождение из него. Обеспечивается актуальность и реальность постмодерна как научно-практического дискурса.

Поскольку в предмет психологического фокуса входит «внутренний мир человека»¹, рефлексоры его индивидуального и группового поведения, а также когнитивные, релятивные и регулятивные процессы, обуславливающие активность индивида, то познание социально-психологического контекста позволяет раскрыть глубинные (сознательные и подсознательные) побудители постмодерна. Ответить на ключевые вопросы о том, что и в ком произошло? Кем и почему запущены механизмы переоценки ценностей, ломки стереотипов, смены ролевого поведения, отказа от имплицитных представлений? Кто привел к кризису идентичности, обострению маргинальных настроений и радикализации протестных реакций? Где и при каких обстоятельствах случилось искомое переживание либо их совокупность? В каком состоянии сейчас находится фундирующее постмодерн волнение?

Но социально-психологический аспект примечателен еще тем, как его использует сам постмодерн. В исходном, первородном и самобытном или в трансформированном, интерпретированном виде? Постмодерн до сих пор интересует то, как реальность отображается в сознании человека при его взаимодействии с ней либо рассматриваемый концепт выстраивает некое иное, возможно, радикальное или ирреальное соотношение субъективного и объективного миров на уровне индивидуальной и коллективной психики.

Она в результате использует и традиционные, и новаторские представления о психологическом. В рамках привычного формата постмодерн на вопрос о социально-психологических причинах кризиса права отвечает о тотальной разочарованности в идеях и идеалах модерна, в прежних политико-правовых институтах и укладах. Таким ответом реваншисты стараются закрыть вопрос перед классиками о побудителях постмодерна для поддержания высокого уровня обоснованности в их глазах отстаиваемого концепта. Хотя этот ответ и прежний формат размышления о психологических побудителях радикализма постмодернистов не интересует, и более они к нему не возвращаются. Главным образом используют соответствующий набор аргументации для опровержения состоятельности модерна.

Две группы обозначенных вопросов предопределяют структуру данного исследования. С их учетом предлагается первоначально прояснить то, что есть в понимании постмодерна реальность и из чего он черпает представления о ее кризисе. Затем уделить внимание проверке обоснованности использования разочарованности как психологического феномена для критики модерна и объяснения происхождения постмодерна.

Симулякр как источник вымысла и реальности

В основу радикальной рефлексии сторонниками постмодернизма положена концепция Ж. Бодрийяра, уделившего значительное внимание симулякру как продукту виртуальной реальности. Существенное влияние на идеологов постклассики также оказали взгляды Ф. Джеймисона², выделившего понятие «пастиш» как верного признака прихода новой реальности, где многое подчинено «имитации конкретного или уникального», а субъекты скрыты за стилистическими масками и речь ведут на мертвом языке³. В симуляционной среде, по мнению этих мыслителей, как в основном месте пребывания современного человека, происходит отмена принципа объективности, а жизнь индивида протекает под руководством знака. Места для реальности не оставляется. Доступная человеку социальная действительность описывается в категориях ирреального и становится для него новым бытием. Последнее представляет собой мир симулякров, или подделок. В связи с этим возникает, как пишет А. Тоскано, «молчаливое удивление тому, что вещи вообще есть», поскольку современная постидеология «дисквалифицировала любые рациональные

¹ Мазилев В.А. Предмет психологической науки и философия психологии // Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии: результаты и перспективы развития / отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова. М., 2017. С. 108–115.

² См.: Jameson F. Postmodernism, or The Cultural Logic of Late Capitalism // New Left Review. I. No 146. July–August 1984.

³ См.: Джеймисон Ф. Марксизм и интерпретация культуры / пер. с англ. М., Екатеринбург, 2014. С. 289.

средства, пригодные для опровержения или избавления от иррациональных убеждений»⁴.

В подобном подходе к реальности нет ничего «нового», на что серьезно претендует постмодерн, и вряд ли вышеприведенный набор тезисов может служить основанием для построения новой онтологии права.

Во-первых, существование симулякров в социальном мире зафиксировано и признано еще античной философией. Но если с тех пор философия работала с симулякром как с химерой или фантомом, т.е. с образом, далеким от подобия вещам объективного мира и ведущим к заблуждениям, то теперь постмодерн решил оставить в прошлом это позиционирование и дискуссию о нем. Вклад в знание о симулякрах и одновременно о текущей современности постклассицизм сделал путем нивелирования отрицательного значения химер и абсолютизации их положительной роли.

Вместе с тем история отношения человечества к симуляциям доказывает, что путь симулякров избран не всем цивилизованным миром, а только представителями постмодерна. Несмотря на разность времен и культурных эпох, политических, экономических и эстетических предпочтений, социум всегда выделял фантазмы, отличал их от других подобию, с учетом культурных особенностей придавал им отрицательную коннотацию, с тем или иным успехом дистанцировался от них и противопоставлял себя им. А право традиционно оставалось и символом подлинного, и средством борьбы со лживым.

Во-вторых, может, конечно, человечество пошло по пути симулякров, о чем заявляет постмодерн. Тому имеется немало подтверждений. Но был ли этот поворот сделан на его жизненном треке осознанно и был ли симулякр избран смыслом жизни в ясном уме? Или он стал сиюминутным увлечением, а возможно, легкомысленным заблуждением общества? Либо симуляционный трек навязан социуму определенными эгоистическими силами, на присутствие которых в предпосылках постмодерна обратил внимание П. Андерсон, когда указал на политические пристрастия его главных представителей (в т.ч. анархистов, социалистов и сталинистов) и на «большой кошелек», оказавший финансовую поддержку авангардному искусству для его целенаправленного приготовления и использования информационными агентствами США в качестве средства ведения холодной

войны⁵. Нужно ли при таких обстоятельствах из сомнительного и одиозного делать должное, чем активно занимаются последователи постмодерна?

Постклассиков все эти оттенки не смущают и не интересуют. Хотя только их проработка может заверить в наличии у постмодерна как научно-практического дискурса собственного и самодостаточного социально-психологического основания. Если мировоззренческий поворот свершился, то правоведение, по их мнению, должно безмолвно и без оглядки на детерминирующие предпосылки познать закон симулякров и соответствовать ему как новой реальности. Однако и тут не объяснено, из чего следует заявленное долженствование? Почему право должно оставить человека и прекратить борьбу за него? Забыть об индивиде и отстраниться от перманентно происходящей в нем битвы человеческого с нечеловеческим, поддаться симулякру и впредь не противопоставлять себя неправу и всему, что это неправое наполняет и образует — фиктивное, притворное, мнимое и лживое, а в целом — симуляционное? То есть тому, что онтологически и исторически всегда являлось антиподом права.

В-третьих, ссылки постклассиков на авторитет Р. Декарта, которого они часто относят к родоначальникам радикального мышления и сюрреалистического восприятия мира, представляются неуместными и ошибочными. Известно, что при всей критике сложившейся к тому времени философии мышление Декарта оставалось глубоко укорененным в традиции. Отбрасывая одни аксиомы античного или средневекового мышления, он продолжал опираться на другие постулаты и авторитеты этих же эпох⁶.

В подтверждение состоятельности постмодерна его инициаторы нередко цитируют слова философа: «Я мыслю, следовательно, я есть, я существую». Гипертрофированное и внеконтекстное толкование таких слов привело интерпретаторов к умозаключению о реальности, которой как таковой не существует. Имеет место исключительно мыслимая данность, где построение картины мира с учетом специфики сознания производится на основе знаков, символов и образов. Эта реальность названа виртуальностью.

При этом не учитывается, что фраза была брошена автором в адрес стагнирующего и в определенной мере исчерпавшего себя средневекового мышления. Поскольку оно уже не приносило эвристических плодов, а познавательные операции все больше стали походить на ритуалы, то само

⁴ *Toscano A. Against Speculation, or, A Critique of the Critique of Critique: A Remark on Quentin Meillassoux's After Finitude (After Colletti) // The Speculative Turn: Continental Materialism and Realism / L. Bryant, N. Srnicek, G. Harman (end.) Melbourne, 2010. P. 87.*

⁵ См.: *Андерсон П. Истоки постмодерна / пер. с англ. А. Апполонова, под ред. М. Маяцкого. М., 2011. С. 106, 107.*

⁶ См.: *Гайденко П. П. Становление новоевропейского естествознания: преодоление парадоксов актуально бесконечно // Метафизика. 2011. № 1 (1). С. 65–87.*

мышление перестало рассматриваться его носителями как активный и полезный вид человеческой деятельности. В связи с этим Р. Декарт постарался в то время обратить внимание упомянутым силогизмом на недооцененный, преимущественно церковным сознанием, потенциал мысли и ее силу, а критерий сомнения ввел для реактивации мыслительного процесса.

Далее постклассики ухватились за идею Р. Декарта о существовании всякой реальности через самосознание. Это позволило им обосновать ценность субъективно-личного опыта и подтвердить достоверность их тезиса о локальности, отдельности, множественности, неопределенности и релятивности правового пространства, которое «здесь и сейчас» возделывается конкретными персонами для текущих нужд повседневности. Однако постклассики намеренно оставили за скобками трансцендентность самосознания Р. Декарта, принципиально отрицая ее во всем своем творчестве. Его основу составляет человеческий разум, или здравый смысл, который есть у всех людей и обеспечивает их единство, что отвергается постмодернистами, выступающими против всякого идеализма и универсализма. Здравый смысл представляет собой «способность правильно оценивать и отличать истинное от ложного», против разграничения которых они выступают.

Самосознание у Р. Декарта не локализовано и не замкнуто на себя, а разомкнуто. Человеку в этом самосознании, как считал философ, принадлежат только смутные и ложные идеи. Они есть продукты его субъективности. Мыслитель был уверен, что самосознание не есть автономная реальность. В этом качестве она не сможет гарантировать истинность знания, поскольку человек, в его понимании, есть «вещь несовершенная, неполная..., беспрестанно помогающая и стремящаяся к чему-то лучшему и большему...»⁷. «Если... мы предположим, что обязаны существованием не всемогущему Богу, а либо самим себе, либо чему-нибудь другому, то чем менее могущественным признаем мы виновника нашего существования, тем более будет вероятно, что мы так несовершенны, что постоянно ошибаемся»⁸.

Вышеприведенные, мягко говоря, неточности изобличают постмодерн как научно-практический дискурс не только в методологической несостоятельности, но и в предубежденности и заинтересованности, в ангажированном навязывании уничтожения действующего знания о праве, конструирования постправа из антиценностей и его внедрения в жизнь. Но продолжение исследования требует

от нас не ставить точку, а учесть выявленное здесь соперничество ретроспективного и «современного» взглядов, отдав каждому из них должное и еще раз верифицировав состоятельность последнего. То есть в целях их проверки выделить и разделить понятия «мыслимого кризиса», принадлежащего миру постмодерна, и «осмысленного кризиса», относящегося к модерну. Сам по себе кризис, нужно отметить, всегда мыслится, поскольку перед признанием его наличия совокупность свидетельствующих о нем событий проходит процедуры осмысления и оценки. Однако здесь речь идет не о самом факте мышления, а о качестве мысли, ее состоянии и роли в процессе познания. Поэтому важно отличать «осмысленный кризис», когда сознание человека стремится «без купюр» отобразить состояние окружающей реальности и найти в нем признаки кризиса, от «мыслимого кризиса», своего рода продуцированного кризиса. Когда вывод о кризисе вытекает не из реальности, а из убеждения или воображения. Когда уместно констатировать, что в мысли о реальности больше домысла, чем самой реальности.

Эти два кризиса, несмотря на идентичность финального вывода, существенно расходятся в своих мнениях о реальности. Их разобшенное положение наиболее явно обнаруживается при постановке вопроса о том, что есть реальность на текущем конкретно-историческом этапе? «Осмысленный кризис» и «мыслимый кризис» отвечают на актуализированный вопрос по-разному. Если для первого взгляда реальность находится в состоянии транзитивности и неопределенности, еще ищет себя, свое «дно» или очередной «камень преткновения» для самоопределения и установления новых точек опоры, продолжает использовать классические стереотипы для поддержания своей действительности, то для второго взгляда реальность как будто уже самоидентифицировала себя, нашла симулякр как искомый «камень» и занимается его художественным описанием.

«Осмысленный кризис», или психоз как источник кризиса

О поисковом статусе реальности свидетельствуют многие признаки. Прежде всего массовые суждения специалистов о наступлении времени тотальной неопределенности. Его возникновение обусловлено не только и не столько резким ростом технологических возможностей человечества, сколько психологической реакцией на появление новых потенциалов. Некоторые из них, как отмечает М. Шенэ, даже кошмарам позволяют стать реальностью⁹. Индивид получил виртуальное

⁷ Декарт Рене. Избр. произв. / пер. с франц. и лат. М., 1950. С. 369.

⁸ Там же. С. 428.

⁹ См.: Шенэ М. Перманентный кризис. Рост финансовой аристократии и поражение демократии / пер. с франц. М. Маяцкого, А. Шаргородского; под науч. ред. М. Маяцкого. М., 2017. С. 26.

пространство, цифровые средства коммуникации, гиперзвуковые средства передвижения, компьютерные технологии, т.е. дополнительные возможности и искусственные сферы жизнедеятельности. Погрузившись в неизвестную и пока еще неизведанную виртуально-цифровую обстановку, общество вышло из привычного и комфортного положения равновесия. В незнакомой ситуации, как указывает Э. Тоффлер, социум испытал «шок от столкновения с будущим»¹⁰ и стал вести себя как маятник. Он то пробует и принимает, то испытывает и отвергает «генно-модифицированные блага» цивилизации, использует в разнообразных форматах и далее определяется с их и собственным будущим, взвешивая полезные и вредные свойства т.н. «нанопродуктов».

Иными словами, человек конца XX и начала XXI в. находится в состоянии испытания новых возможностей и конечного выбора. Он либо активно инициирует, либо пассивно участвует или вынужденно терпит на себе значительное число разнородных, разномасштабных и противоречивых событий. С одной стороны, он эти события в рамках эксперимента и стремления к прогрессу запускает и пытается ими управлять. С другой — они нередко выходят из-под его контроля и выбирают непредвиденную траекторию движения, вовлекая человека в свое течение и делая из него заложника непредсказуемого итога. Под воздействием этих же противотоков и разноток находится психика человека и человечества. Ее стабилизация наступит, как полагала И.Л. Бачило, после «смены нескольких поколений»¹¹, прохождения социумом через череду кризисов и катаклизмов, разрушений и отравлений¹², в ходе которых произойдет идентификация подлинного состава и предназначения «генно-модифицированных благ», их отбор и отсеивание.

Наглядно и ощутимо «шатающееся» передвижение человечества демонстрирует сфера экономики. В ней появились «перегретые рынки», «чрезмерно дешевые и горячие деньги», «финансовые пузыри» и т.д. По этим пузырям определяют вероятность наступления новых кризисов. То есть возникли в некотором роде новые явления, ранее так не называвшиеся. В то же время в этих феноменах

нет ничего нового. Поскольку все они являются закономерным следствием отвлечения экономики от реального производства и использования в гражданском обороте суррогатов, или, как говорят постмодернисты, симулякров. Она увлеклась увеличением разнообразия, наращиванием и потреблением якобы новых компетенций и потенциалов, а на самом деле — «чарующими безделушками», по определению Ф. Джеймисона. Экономика изобрела деривативы, фьючерсы, свопы, споты и опционы — то, что не имеет собственной и самодостаточной основы, или, как высказался ученый, «продуктами, лишенными всякой глубины», чье «пластиковое содержание не проводит физическую энергию»¹³. Они являются спекулятивным подобием, которое ненадолго задерживается в хозяйстве и быстро лопается как мыльный пузырь.

Более осторожно, но таким же путем идет юриспруденция. Многие государства, в т.ч. Российская Федерация, находятся в недоумении от появления в гражданском обороте неких цифровых объектов, например, криптовалюты. Юрисдикции не могут определиться по вопросам их признания и охраны. Центральный Банк России, в частности, уже длительное время проявляет настороженность к биткоинам и просит проявлять бдительность¹⁴, поскольку по «виртуальным валютам» отсутствует обеспечение, а операции по ним совершаются анонимно, имеют спекулятивный характер и несут высокий риск потери стоимости¹⁵.

Одновременно с этими неопределенностями у человечества наступает понимание того, что есть Интернет. Мир избавляется от первичных идиллий о нем как сфере свободы, начинает осознавать и отличать его вредные и полезные свойства. В связи с этим идет регламентация и суверенизация сферы Интернета, установление ограничений, запретов и правил пребывания в нем для различных категорий граждан, особенно детей. Определяются меры административной, гражданской и уголовной ответственности за совершаемые на онлайн-просторах правонарушения. Вырабатываются и принимаются международные правила поведения в сфере информационных технологий¹⁶, т.е. идут процессы адаптации современных технологий и в то же

¹⁰ Тоффлер Э. Шок будущего / пер. с англ. М., 2002.

¹¹ Бачило И.Л. Государство и право XXI в. Реальное и виртуальное. М., 2012. С. 7.

¹² Взвешенный прогноз кризисных событий различного уровня и масштабов регулярно дается специалистами Института государства и права РАН (см.: Савенков А.Н. Государство и право в период кризиса современной цивилизации. М., 2020; Дамаскин О.В. Государство и право в условиях кризиса современной цивилизации // Гражданин. Выборы. Власть. 2020. № 2 (16); и др.).

¹³ Jameson F. Marxism and Form. Princeton, 1971. P. 105.

¹⁴ См.: Информация Банка России от 04.09.2017 г. «Об использовании частных “виртуальных валют” (криптовалют)» // Вестник Банка России. 2017. № 80.

¹⁵ См.: Информация Банка России от 27.01.2014 г. «Об использовании при совершении сделок “виртуальных валют”, в частности, биткойн» // Вестник Банка России. 2014. № 11.

¹⁶ См.: ООН приняла резолюцию России и США против преступного использования ИТ. URL: <https://www.rbc.ru/politics/07/12/2021/61ae9e609a79479108eef855> (дата обращения: 25.10.2021).

время стабилизация состояния общества при работе с ними.

Возникновение непредсказуемых проявлений и разновекторное направление социальных движений ведет к пробуждению в человеке «бури чувств» — сгустка отрицательных эмоций. Их появление продиктовано рядом причин. Во-первых, недостижением запланированных значений и неполучением запрограммированного продукта. Во-вторых, разворотом эксперимента, когда человек превращается из субъекта в объект экспериментирования. В-третьих, столкновение ожидаемого результата с неожиданным исходом ведет к появлению неизгладимого впечатления, изменяющего в итоге представления человека как о самом себе, так и об окружающем мире.

Подчеркивая важность и ключевую роль психологического момента на текущем этапе развития, ученые неслучайно сравнивают современность с «невралгическим центром» (М. Шенэ) или прямо пишут о ней как об «Эпохе нервозности» (Й. Радкау), «Эпохе нерешительности» (Ф. Пол) либо как о периоде «Разочарования» (А. Хиршман). Специалисты фиксируют появление «ловушки уверенности», символизирующей собой повсеместное распространение уныния под личиной оптимизма, зарождение «истории пессимизма и страха», времени «интеллектуальной тревоги» (Д. Рансимен). Указывают на «Разрушение разума» (Д. Лукач) и необходимость изучения «страстей в нашем разуме» (Р. Фрэнк), природы возникшего «страха перед реальностью» и разработки «более комплексной концепции психологии» (И. Шапиро).

«Мыслимый кризис» как причина реального кризиса права

Совершенно иную динамику и траекторию движения социального мира описывают представители «мыслимой реальности». Их не беспокоит неопределенность, или, как сказал П. Бурдьё, «негагарантированность повсюду». Они убеждены в том, что в опережающем порядке ухватили суть времени, дали ему название «постмодерн» и сейчас занимаются подбором соответствующего описания. То есть реализовали и завершили процесс осмысления происходящего и стали проектировать постправо, основанное на принципах релятивизма, плюрализма, контекстуализма и конструктивизма. Предписали этому праву заботу об индивидуализированном, а не о социальном, которое у постмодернистов исчезло, превратившись в атомизированные группы. Общество трансформировалось из солидарного в массовое, из консолидированного в разобщенное собрание, где праву необходимо обходиться без административного воздействия и нормативного регулирования. Ему надлежит соответствовать человеческому общежитию,

которое отныне, по З. Бауману, представляет собой «область самопроизвольных и слабоскоординированных процессов», «связку шансов, явно еще недоопределившихся и никогда до конца недетерминированных»¹⁷.

На самом деле обнаруживаем, что без оглядки на реальность приверженцами идеи постмодернизма запущен ряд процессов. Главный тренд состоит в переосмыслении средств восприятия и оценки реальности, где ключевым критерием выступает симулякр. Под его руководством новое фактически не отыскивается. С его помощью либо предлагается обновленное, либо переиначивается старое. Совершается, как справедливо отметила Е.В. Петровская, «переворачивание привычных — “модернистских” — представлений»¹⁸. В этом плане постмодерн выступает не новейшим, а логическим и диалектическим продолжением модерна, его извращенным, очередным и, вполне возможно, судя по основным «похоронным» коннотациям (смерть Бога, смерть Логоса и т.д.), завершающим этапом развития. Не случайно его еще называют естественным продуктом распада индустриальной цивилизации¹⁹ или «поздним капитализмом» (П. Бурдьё).

Сопутствующий процесс состоит в следовании моде, т.е. заданному постмодерному тренду. Здесь переиначивания не происходит. Выдерживается курс только на систематическую и безмотивационную постановку под сомнение уже достигнутого знания, что в целом отвечает требованиям повседневности или «нормальной науки» (Т. Кун). Но и такой, казалось бы, безобидный результат постмодерна обращает в свою пользу. Через процесс перманентного переосмысления, к которому он целенаправленно подстегивает, достигается дестабилизация сознания и знания, его субъектов и институтов, моделей и приемов. Они регулярно либо низвергаются, либо бесспорно объявляются новыми, оставаясь при этом в холостом и круговом движении²⁰.

Доказательством этому служит обзор современной юридической литературы. По ней можно судить, что для правоведов наступила эпоха переосмысления. По поводу и без повода ими

¹⁷ Бауман З. Спор о постмодернизме // Социологический журнал. 1994. № 4. С. 69–80.

¹⁸ Петровская Е.В. Постмодернизм // Новая философская энциклопедия: в 4 т. М., 2010. Т. 3. С. 297.

¹⁹ См.: Гречко П.К. Интеллектуальный импорт, или О периферийном постмодернизме // Общественные науки и современность. 2000. № 2. С. 166–177.

²⁰ Подробнее о спекулятивных интерпретационных практиках см.: Горбань В.С. Квалифицированный читатель или интерпретатор: об отношении исследователя к источникам познания правовых и политических учений // Право и политика. 2021. № 9. С. 133–142.

заявлено о «переосмыслении международного порядка»²¹ и «международных прав человека»²², «переосмыслении иммиграционного законодательства»²³, «переосмыслении уголовной ответственности»²⁴, переосмыслении презумпции знания права²⁵ и презумпции невиновности²⁶, переосмыслении структуры органов правосудия²⁷ и т.д.

В итоге реализуется два сценария. По первому — претензия на новое оказывается попыткой обновления или дополнения старого. Специалисты занимаются либо доработкой, либо перестройкой построенного. Не возведением нового дома, а поиском для него нового художественного образа. По второму — происходит отторжение, отрицание или поломка прежних и действующих смыслов. Поскольку любая перестройка связана с разрушением и, как следствие, с уменьшением количества и качества строительного материала, то «вновь созданное» у постмодернистов не отличается богатством смыслов. Запущенные ими в сфере права процессы переосмысления фактически образуют собой еще один центр турбулентности. За бесконечным переосмыслением наступает обесмысливание процесса познания и объекта изучения. В этом плане постмодернизм нужно рассматривать не как выход из кризиса, а как его причину, т.к. реализуемые им эпистемологические принципы по децентрализации и локализации касаются не только окружающей реальности, но и самого мышления. Они не дают возможность сосредоточиться и включиться сознанию, реализовать ему свои антропологические функции по обеспечению единства личности и сродства между человеком

и миром, «объединенных своей общей укорененностью в единой почве — в почве реальности»²⁸.

Разочарованность постправа

Очередной довод постклассиков в деле защиты идеи постмодерна связан с тем, что она олицетворяет его образ. «Если модернизм, — писал Ж. Деррида, — отличается стремлением к абсолютной власти, то постмодернизм — это опыт конечности, опыт, в котором находит свое отражение обреченность всех завоевательных планов»²⁹. В подтверждение уверенности о возникновении тотальной разочарованности ссылаются на «конец истории» (Ф. Фукуяма), «кризис европейской культуры» (Р. Паннвиц), «кризис индустриальной культуры» (Б. Вышеславцев), «закат Европы» (О. Шпенглер), «смерть Запада» (П. Бьюкенен), «расколотый и разделенный мир» (А. Тойнби), Первую и Вторую мировые войны (П. Андерсон), нацистскую диктатуру Рейха (А.В. Стомба), утопичность социализма и аморальность капитализма (Й. Шумпетер), а также на обилие других социальных катаклизмов, наводящих печаль от «Кризиса современного мира» (Р. Генон).

Каждое из отмеченных событий и тем более все вместе, по мнению постклассиков, опровергают лежащие в основе модерна представления о прогрессе как социальном идеале и о разуме как единственно верном жизненном ориентире. Однако выясняется, что на самом деле постклассики не стали разбираться в причинах разочарованности и детерминантах указанных событий, обременять себя поиском существующих между ними связей. Ограничились лишь поверхностным наблюдением того, что современность постоянно находится в состоянии динамической турбулентности и выдает только тотальную неопределенность, не способную удовлетворить ни одну надежду, ни одно ожидание, т.е. то, что позволило бы выйти из состояния разочарованности. Не обратили они внимание и на то, что в названных происшествиях нет ничего нового для человека и человечества, для их истории и генезиса права в частности. А также совсем проигнорировали, что далеко не каждое из них связано с разочарованностью, прямо или опосредованно ведет к нему.

Со времен Гераклита Эфесского известно, что, например, война не есть продукт какой-либо культуры. «Война — отец всех, царь всех: одних она объявляет богами, других — людьми, одних творит рабами, других — свободными». В понимании этого

²¹ Kingsbury B. The International Legal Order. Oxford University Press, 2003. URL: <https://ssrn.com/abstract=692626> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.692626>

²² Bilder R. Rethinking International Human Rights: What Have We Learned, Where are We Going? (Summer 1999). URL: <https://ssrn.com/abstract=909208> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.909208>

²³ Kalhan A. Rethinking Immigration Detention / Columbia Law Review Sidebar. Vol. 110. P. 42. July 2010 // Drexel University Earle Mack School of Law Research Paper No. 1556867. URL: <https://ssrn.com/abstract=1556867>

²⁴ Weissmann A. Rethinking Criminal Corporate Liability / Indiana Law Journal. Vol. 82. No. 2. Spring 2007. URL: <https://ssrn.com/abstract=979055>

²⁵ См.: Cottone M. Rethinking Presumed Knowledge of the Law in the Regulatory Age // Tennessee Law Review. Vol. 82. No. 137. Winter 2015. URL: <https://ssrn.com/abstract=2584034>

²⁶ См.: Garrett B. The Myth of the Presumption of Innocence / Texas Law Review. Vol. 94. No. 178. April 29. 2016. URL: <https://ssrn.com/abstract=2772661>

²⁷ См.: Scott-Hayward C. Rethinking Federal Diversion: The Rise of Specialized Criminal Courts // Berkeley Journal of Criminal Law. 22(2). 47. April 28, 2017. URL: <https://ssrn.com/abstract=2956021>

²⁸ Франк С.Л. Реальность и человек. Метафизика человеческого бытия. Париж, 1956. С. 378.

²⁹ Архитектура и философия. Интервью с Жаком Дерридой. Ленинград — Париж // Беседа. Религиозно-филос. ж-л. 1986. № 4. С. 136.

философа, как писал Уильям Гатри, война является всеобщей творческой и управляющей силой³⁰. Не менее примечателен для правоведения личный опыт голландского юриста, ученого Гуго Гроция. Нахождение мыслителя в гуще бедственных событий Тридцатилетней войны, охватившей своей трагедией практически все государства Европы, не разочаровало его, а вдохновило на написание в ответ на вызовы времени сочинения «О праве войны и мира». В войне и мире он увидел два основополагающих, взаимопредполагающих и в то же время исключаящих феномена. Они, по его мнению, пронизывают все стороны бытия. Ни в естественном праве, ни в истории философ не нашел доказательств, отвергающих войну³¹. Побуждения природы благоприятствуют ей, поскольку главная «цель войны — сохранение в неприкосновенности жизни и членов тела, сохранение и приобретение вещей, полезных для жизни...»³².

Схожей позиции придерживался Ф.М. Достоевский, отмечавший, что «война не всегда бич, иногда она и спасение»³³. Он писал о войне и о ее включенности в онтологию общественного сознания, т.е. фактически закреплял за природой человека и исключал из возможности быть отнесенной к какому-либо культурному контексту, каждый из которых может только в большей или меньшей мере предрасполагать к войне. Тем более война, по мысли Ф.М. Достоевского, не ведет к разочарованности. Она способствует зарождению и воспитанию великодушия, поскольку «гибнет в периоды долгого мира, а вместо него являются цинизм, равнодушие, скука... <...>. Война развивает братолюбие и соединяет народы... Заставляя их взаимно уважать друг друга... Война освежает людей. Война поднимает дух народа и его сознание собственного достоинства. Война равняет всех во время боя и мирит господина и раба в самом высшем проявлении человеческого достоинства — в жертве жизнью за общее дело, за всех, за отечество. <...>. Без войны провалился бы мир или, по крайней мере, обратился бы в какую-то слизь, в какую-то подлую слизь, зараженную гнилыми ранами...»³⁴.

Достоверность слов писателя подтверждается жизненной практикой. Именно послевоенное время всегда обостряло взор человечества на право

и порождало усилия по изобретению на его основе механизмов, ограждающих мир от агрессий и конфликтов. После Первой мировой войны сообщество государств попыталось учредить Лигу Наций, но инициатива не увенчалась успехом. После Второй мировой войны человечество повторило попытку и учредило Организацию Объединенных Наций как основной источник международного правопорядка. В 1950 г. разработана и принята Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод.

Таким образом, проводники постмодернистских представлений о праве ошиблись в причинах разочарованности и остались на поверхностном уровне понимания возможных факторов возникновения этого ощущения. С ними можно согласиться только в том, что феномен разочарованности присутствует и ощущается. Но эта разочарованность продиктована настоящим, а не прошлым, из которого они стараются смонтировать обосновывающие предпосылки постмодерна. Если следовать мысли Ф.М. Достоевского, то можно убедиться, что как раз в прошлом, после войн — честь, человеколюбие, самопожертвование еще уважались и ценились. Совсем другое дело в спокойном настоящем, когда продолжается мир, и чем дольше он продолжается — «все эти прекрасные великодушные вещи бледнеют, засыхают, мертвеют...». То же самое, отмечал Ф.М. Достоевский, происходит в науке и искусстве, когда в условиях долгого мира они глохнут, срываются в погоню «за эффектом, за какой-нибудь утонченностью», а «простые, ясные, великодушные и здоровые идеи» объявляются не модными³⁵.

Именно эти процессы происходят в современном обществе и правоведении, в частности, под благообразным видом постмодерна. Как подчеркнул С.С. Алексеев, «на пороге XXI в. идеи прав человека, еще недавно столь престижные и величественные, почитаемые в качестве знамени свободы, именно в наше время, в последние годы все более утрачивают свой престиж и влияние на умы и дела людей»³⁶. О вине текущего, а не прошлого дня также говорили Э. Тоффлер и Д. Гарднер, когда вели речь о замученном изменениями индивидууме, нуждающемся в новых службах поддержки, в построении очагов постоянства и буферов «на пути изменений во внезапно появляющейся цивилизации завтрашнего дня»³⁷. Этого человека не оставляют в покое и ныне навязывают ему с помощью искусствovedческого инструментария что-то радикально изменить в науке о праве, что-то

³⁰ См.: Гатри У.К.Ч. История греческой философии: в 6 т. Т. I: Ранние досократики и пифагорейцы / пер. с англ. под ред. и с прим. Л.Я. Жмудя. СПб., 2015. С. 727.

³¹ См.: Гроций Г. О праве войны и мира: репринт, с изд. 1956 г. М., 1994. С. 67.

³² Там же. С. 84.

³³ Достоевский Ф.М. Собр. соч.: в 9 т. Т. 9: в 2 кн. Кн. 2: Дневник писателя. М., 2007. С. 107.

³⁴ Достоевский Ф.М. Дневник писателя. 1876. Апрель. Гл. II. Л., 1994.

³⁵ См.: там же.

³⁶ Алексеев С.С. Самое святое, что есть у Бога на земле. Иммануил Кант и проблемы права в современную эпоху. М., 1998. С. 254.

³⁷ Тоффлер Э. Футурошок / пер. с англ. СПб., 1997. С. 320–323.

отменить или вовсе умертвить. Ради кого или чего? Человека? Общества? Природы? Нет. Ради самой по себе отмены устаревшего и доказательства через эту отмену новизны постмодернистской идеи. Ради того, как рассуждал Ж. Деррида, чтобы племя, чье имя — это «имя», создало себе имя. Они бегут за новизной, ибо, как вещал Мефистофель у Гёте, только «новизна... может увлечь человека»³⁸.

Отдельно следует обратить внимание на неготовность обличителей модерна принимать меры по выводу общества из разочарованности как отрицательно эмоционального состояния. Такой подход указывает на то, что цели сторонников постклассики не ограничены познавательным азартом. Для отстаивания своих концептов они стремились осуществить подборку похожих друг на друга фактов, с их помощью убедить в крахе лежащих в основе модерна надежд и неоправданность связанных с ним ожиданий. Конечная цель постмодернистов просматривается в их желании оставить социум в состоянии разочарованности. Не избавить от него, а примирить с ним. Что на деле означает не освободить человечество от узды порожденного модерном «общества потребления», а сохранить его и привить к нему терпимость. То есть закрепить положение социума в кругообразной динамике ложного роста и фальшивого изобилия, при которых выживание системы осуществляется путем ее бесконечного самовоспроизводства, о чем справедливо писал Ж. Бодрийяр³⁹.

С этой точки зрения известные слова Ж.-Ф. Лиотара о предназначении постсовременного знания лишаются метафорической образности и отвлеченности, обретая практический, конечный и подлинный смысл. Когда мыслитель утверждал, что постсовременное знание призвано производить не знание, а оттачивать чувствительность к различиям и усиливать способность выносить взаимонесоизмеримость⁴⁰, он фактически признал наличие у постмодерна вышеописанной меркантильной цели — оставить «общество потребления» в состоянии «общества потребления» и продлить его жизнеспособность через выработку терпимости или безразличия ко всем его невзгодам и «разочарованностям». Не случайно у постмодернистов вслед за исчезновением знания исчезло общество, а современность, как подчеркнул А.Г. Шелкин, превратилась «всего лишь в “текущую современность”»,

не обладающую силой, структурой и волей изменить малопривлекательную ситуацию»⁴¹.

Чтобы не заниматься выводом общества, в том числе его научно-образовательной и обучающейся части, из депрессии, последователи реваншизма предложили провозгласить разочарованность «духом века» и смириться с ним как с доминантой современности, отражающей, по К. Клотцу, особенность конкретной эпохи. Сегодня эта особенность состоит в разочарованности и является продуктом массовой культуры, воспринимаемой ими в качестве высшей силы и неоспоримой данности. За эту данность как за «пределы жизни» В. Дильтея человеку и его сознанию выйти нельзя. «Нельзя найти непосредственный доступ к реальности вне континуума жизнеосуществления, в котором реальность всегда уже предстает оформленной, истолкованной и сопряженной с субъектом жизни»⁴². По причине артикулированности жизни человека он обременен «непостижимостью» мира, неразрешимой «загадочностью» жизни и «трагичностью» познания, безуспешно стремящегося постичь жизнь в целом⁴³.

«Дух безвременья» как цель постмодерна

Помимо оставления общества в состоянии уныния, прослеживаются четкие усилия постклассиков по продвижению «духа века» К. Клотца в науку и его преобразованию в «дух времени». У И. Гёте этот дух описывается как социальный перевес, как господство или гегемонистские отношения. В этом плане у постмодернистов многое происходит по описанному немецким мыслителем сценарию, когда одна сторона сейчас особенно выделяется, за счет этого старается захватить толпу и под лозунгом обладания «духом времени» победить до такой степени, что противоположная сторона вынуждена отступить в угол и на мгновение спрятаться в тишине. Такой перевес он и называл «духом времени». Но по факту этот дух «есть дух профессоров и их понятий, который эти господа нехоти за истинную древность выдают»⁴⁴.

Представители радикального движения сами не отрицают и фактически изобличают себя в том, что постмодернизм, над культивацией и адаптацией которого в праве они активно работают, во многом эпатажен⁴⁵, т.е. представляет собой

³⁸ Гёте И. Фауст / пер. Б. Пастернака, вступ. ст. и комм. Н. Вильмонт. М., 1960.

³⁹ См.: Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / пер. с франц., послесл. и прим. Е.А. Самарской. М., 2006. С. 64.

⁴⁰ См.: Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / пер. с франц. Н.А. Шматко. М., 1998. С. 12.

⁴¹ Шелкин А.Г. Постмодернизм — законченный проект. Возможен ли ренессанс классики? // «Русская мысль» — Историко-методологический семинар в РРХГА. 18 января 2013 г.

⁴² Дильтей В. Собр. соч.: в 6 т. Т. 1. Введение в науки о духе / под ред. А.В. Михайлова и Н.С. Плотникова; пер. с нем. под ред. В.С. Малахова. М., 2000. С. 114.

⁴³ Там же. С. 147, 148.

⁴⁴ Гёте И. Указ. соч.

⁴⁵ См., напр.: Честнов И.Л. Правопонимание в эпоху постмодерна // Правоведение. 2002. № 2 (241). С. 4.

провокационную выходку и действует через скандал как способ воздействия на других, привлечения их внимания к себе и убеждения в своей правоте. Например, И. Хассан, говоря о себе и об американском литературном критике Л. Фидлере, отмечал, что при апробации термина «постмодернизм» они руководствовались чувством бравады. «Фидлер воспользовался им, чтобы бросить вызов элитарности высокой модернистской традиции во имя популярной культуры. Я же хотел исследовать импульс саморазрушения, являющийся частью литературной традиции молчания»⁴⁶. Для каждого из них разговор о постмодерне и в стиле постмодерна был и остался, как говорил сам И. Хассан, «нахальной и подростковой выходкой». При таких наблюдениях и открытиях имеются все основания для вывода о том, что постмодерн выступает и точкой сбора чувствующих к нему сторонников, и способом самовыражения ими своего авангардного характера.

Однако увлекшись «духом века» К. Клотца, «обжитостью языка» Ж. Дерриды, у которого он все время находится в ловушке того или иного жизненного лабиринта, и дискурсивностью Г. Лотце, считавшего, что «мы не только мыслим дискурсивно, мы живем дискурсивно»⁴⁷, постклассики совершенно проигнорировали существование «духа времени» И. Гердера, очень близкого им по взглядам мыслителя. Он в свое время выступал против абсолютизации рационализма и догматизма. Кроме этого философ отмечал, что в истории наряду с «духом времени» еще существуют «дух народа», «дух чувства» и «дух языка», а выше всех этих духов стоит «своя драма», которую народ создает «согласно своей истории, духу времени, нравам, мнениям, языку, национальным предразсудкам, традициям и пристрастиям...»⁴⁸. Отстаивая национальное своеобразие, И. Гердер при этом не отрывал его от универсального, «человеческого». Воспринимал национальные культуры качественно самостоятельными ступенями в широкой перспективе мировой истории.

Постмодернисты игнорируют И. Гердера и не признают существование «человеческого духа», помогающего найти «каждому лицу, каждому возрасту, каждому характеру, даже самым незначительным, их место в общей картине»⁴⁹. Они выступают против какого-либо фундаментализма и абсолютно отрицают любые общности. Не замечают они и появления в истории «мудрых и понимающих людей, которые ведут за собой массы», игнорируя и наличие доказательств того, что даже «рассудительные или своекорыстные

князя в конце концов сами примыкали к ним»⁵⁰. В истории Англии таким предводителем был и остается У. Шекспир. На примере великого писателя философ показал, что только такого рода личностям под силу в простонародье рассмотреть народ и из «сложного сочетания разных сословий, убеждений, народов, различных образов жизни, различной речи...» создать «одно великолепное целое...»⁵¹. Важно отметить, что об этих же фигурах вел речь Ж. Деррида, когда среди множества прочих выделял «архитектора как того, кто знает причины вещей», «как теоретика, могущего обучать», как предводителя, под руководством которого «находятся ремесленники, не думающие сами и не знающие причин вещей»⁵². «Архитектор, — как писал мыслитель, — это тот, кто находится ближе всего к принципу “архе”, то есть к началу. Он руководит всей работой и дает пример ...»⁵³.

Однако постмодернистам не нужно целое. По свидетельству И. Хассана, «эпистема деконструкции как основного методологического сценария постмодерна категорически не принимает тиранию целого»⁵⁴. Всякие попытки мышления в целокупном формате объявляются движением к тоталитарному обществу. Постклассики убеждены в том, что применительно к социальной материи целое не существует. Наличествует только дефрагментированное единичное и как максимум их некое собрание, непременно временное и референтно отобранное. Постмодернистской идеологии перечат даже такие представления об обществе, которые, как у Н.В. Гоголя, слагаются из единиц, поскольку у него каждая единица должна исполнять свою должность. Здесь нет места для разочарованности и «горечи утраченных иллюзий» (П.С. Гуревич). У писателя каждый человек должен помнить, «что он вовсе не материальная скотина, но высокий гражданин высокого небесного гражданства»⁵⁵.

В итоге получается, что ни Шекспиров, ни Гоголи с их способностями мыслить, познавать и говорить на языке людей всех возрастов и характеров, переводить со всех языков, на которых изъясняется природа, постмодернистам не нужны. В них не возникает необходимость, успокаивают себя реваншисты, так как само время в силу своей неустойчивости препятствует погружению в бездну бытия. Высочайшие познавательные и художественные возможности мастеров, способных «охватить рукой сотню сцен одного мирового события, взглядом своим

⁵⁰ Там же. С. 302.

⁵¹ Там же. С. 11.

⁵² Архитектура и философия. Интервью с Жаком Дерридой. Ленинград; Париж. С. 120.

⁵³ Там же. С. 121.

⁵⁴ Хассан И. Указ. соч.

⁵⁵ Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: в 14 т. Л., 1952. Т. 13. С. 435–446.

⁴⁶ Хассан И. К концепции постмодернизма // Хассан И. Постмодернистский поворот. 1987.

⁴⁷ Цит. по: Misch G. Vorbericht. In: V, LXII.

⁴⁸ Гердер И.Г. Избр. соч. / пер. с нем. М.; Л., 1959. С. 10.

⁴⁹ Там же. С. 13.

внести в них порядок, наполнить их единым живительным дыханием души...», предстают затратным и нерациональным делом. А главное — пример и результат их мысли, глубина погружения в социальное не служит для постклассиков доказательством существования в социальной природе нечто большего, чем референтные группы.

Постправо и его протест против науки

Исходя из вышеизложенного, можно заключить, что правоведы, выступающие против модерна, восприняли разочарованность в качестве исходного и одновременно конечного, т.е. базового состояния текущей социальности, ее новой онтологией. Однако на этом юристы не остановились и не стали ограничиваться восприятием разочарованности в качестве объекта научного наблюдения. После того как депрессия была определена источником права, специалисты решили сами ей подчиниться, войти в ее образ и разделить депривационное настроение, видимо, для наилучшего понимания специфики т.н. «новой онтологии».

Результаты погружения в нирвану как в состояние полного умирания не заставили себя долго ждать. Под его руководством знатоки современности объявили всеобщие похороны («смерть разума», «смерть субъекта», «смерть ценностей» и т.д.). По этой же причине они теперь не ищут, например, истины и активно агитируют ее не устанавливать. Правоведы, вероятно, устали от ее вечно ускользающего вида и изнуряющего спора о ее содержании. Не имея желания возвращаться к изматывающим гносеологическим процессам, предложили верить в то или иное событие и руководствоваться этой верой до наступления разочарования и обретения новой надежды. То есть ограничиться мало-затратными и во многом бытовыми познавательными процедурами. Как уточнял П. Шенк: «Здесь не может быть такой вещи, как знание реальности; то, что мы считаем знанием, всегда является верой и может применяться только к контексту, в котором оно утверждается»⁵⁶. Схожую роль у Ж.-Ф. Лиотара выполняет «постсовременное знание», на деле вырабатывающее не знание, а чувствительность⁵⁷.

Из всего изложенного следует, что выработанный кем-то и где-то в культуре отказ от разума в целом и науки в частности, в том числе юридической, как особого и ценного вида человеческой деятельности, не произошел, а происходит. Он сознательно и целенаправленно вырабатывается юристами-постмодернистами из-за собственной разочарованности и продиктованного этой эмоцией нежелания применять к объекту и субъекту изучения

апробированные наукой алгоритмы познания, «делать операции над собой...», при необходимости «преодолеть в себе раба», как отмечал В.В. Бибихин⁵⁸. Вместо этого они предлагают принять разочарованность как конкретное чувство и источник представлений о праве, в т.ч. как конечный результат функционирования права в жизни человека и человечества.

В итоге ничего, кроме своего антигносеологического выбора и отказа от признания наличия у науки свойственного только ей предназначения, постклассики не приводят в доказательство того, что смерть «прежней науки» является свершившимся для культуры фактом и впредь она ничем не отличается от других видов познания. С последователями постклассики можно согласиться только в том, что смерть науки наступила в них и для них. И сегодня они в науке выдают «свою смерть» за чужую или всеобщую смерть, а постмодернизм в целом, выражаясь словами В.Д. Зорькина, «цинично стремится использовать “хрупкость бытия” в своих целях»⁵⁹.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев С.С. Самое святое, что есть у Бога на земле. Иммануил Кант и проблемы права в современную эпоху. М., 1998. С. 254.
2. Андерсон П. Истоки постмодерна / пер. с англ. А. Апполонова, под ред. М. Маяцкого. М., 2011. С. 106, 107.
3. Архитектура и философия. Интервью с Жаком Дерридой. Ленинград — Париж // Беседа. Религиозно-филос. ж-л. 1986. № 4. С. 120, 121, 136.
4. Бауман З. Спор о постмодернизме // Социологический журнал. 1994. № 4. С. 69–80.
5. Бачило И.Л. Государство и право XXI в. Реальное и виртуальное. М., 2012. С. 7.
6. Бибихин В.В. Собственность. Философия своего. СПб., 2012. С. 138.
7. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / пер. с франц., послесл. и прим. Е.А. Самарской. М., 2006. С. 64.
8. Гайденко П.П. Становление новоевропейского естествознания: преодоление парадоксов актуально бесконечного // Метафизика. 2011. № 1 (1). С. 65–87.
9. Гатри У.К.Ч. История греческой философии: в 6 т. Т. I: Ранние досократики и пифагорейцы / пер. с англ. под ред. и с прим. Л.Я. Жмудя. СПб., 2015. С. 727.
10. Гердер И.Г. Избр. соч. / пер. с нем. М.; Л., 1959. С. 10, 11, 13, 302.
11. Гёте И. Фауст / пер. Б. Пастернака, вступ. ст. и комм. Н. Вильмонт. М., 1960.

⁵⁶ Schanck P. Understanding Postmodern Thought and Its Implications, 65 S. CAL. L. REV. 2505, 2508 (1992).

⁵⁷ См.: Лиотар Ж.-Ф. Указ. соч. С. 12.

⁵⁸ См.: Бибихин В.В. Собственность. Философия своего. СПб., 2012. С. 138.

⁵⁹ Зорькин В.Д. Право силы и сила права: лекция для участников V Междунар. юрид. форума. Санкт-Петербург, 28 мая 2015 г.

12. Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: в 14 т. Л., 1952. Т. 13. С. 435–446.
13. Горбань В.С. Квалифицированный читатель или интерпретатор: об отношении исследователя к источникам познания правовых и политических учений // Право и политика. 2021. № 9. С. 133–142.
14. Гречко П.К. Интеллектуальный импорт, или О периферийном постмодернизме // Общественные науки и современность. 2000. № 2. С. 166–177.
15. Гроций Г. О праве войны и мира: репринт, с изд. 1956 г. М., 1994. С. 67, 84.
16. Дамаскин О.В. Государство и право в условиях кризиса современной цивилизации // Гражданин. Выборы. Власть. 2020. № 2 (16).
17. Декарт Рене. Избр. произв. / пер. с франц. и лат. М., 1950. С. 369, 428.
18. Джеймисон Ф. Марксизм и интерпретация культуры / пер. с англ. М., Екатеринбург, 2014. С. 289.
19. Дильтей В. Собр. соч.: в 6 т. Т. 1. Введение в науки о духе / под ред. А.В. Михайлова и Н.С. Плотникова; пер. с нем. под ред. В.С. Малахова. М., 2000. С. 114, 147, 148.
20. Достоевский Ф.М. Дневник писателя. 1876. Апрель. Гл. II. Л., 1994.
21. Достоевский Ф.М. Собр. соч.: в 9 т. Т. 9: в 2 кн. Кн. 2: Дневник писателя. М., 2007. С. 107.
22. Зорькин В.Д. Право силы и сила права: лекция для участников V Междунар. юрид. форума. Санкт-Петербург, 28 мая 2015 г.
23. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / пер. с франц. Н.А. Шматко. М., 1998. С. 12.
24. Мазилев В.А. Предмет психологической науки и философия психологии // Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии: результаты и перспективы развития / отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова. М., 2017. С. 108–115.
25. Петровская Е.В. Постмодернизм // Новая философская энциклопедия: в 4 т. М., 2010. Т. 3. С. 297.
26. Савенков А.Н. Государство и право в период кризиса современной цивилизации. М., 2020.
27. Тоффлер Э. Футурошок / пер. с англ. СПб., 1997. С. 320–323.
28. Тоффлер Э. Шок будущего / пер. с англ. М., 2002.
29. Франк С.Л. Реальность и человек. Метафизика человеческого бытия. Париж, 1956. С. 378.
30. Хассан И. К концепции постмодернизма // Хассан И. Постмодернистский поворот. 1987.
31. Честнов И.Л. Правопонимание в эпоху постмодерна // Правоведение. 2002. № 2 (241). С. 4.
32. Шенэ М. Перманентный кризис. Рост финансовой аристократии и поражение демократии / пер. с франц. М. Маяцкого, А. Шаргородского; под науч. ред. М. Маяцкого. М., 2017. С. 26.
33. Шелкин А.Г. Постмодернизм — законченный проект. Возможен ли ренессанс классики? // «Русская мысль» — Историко-методологический семинар в РРХГА. 18 января 2013 г.
34. Bilder R. Rethinking International Human Rights: What Have We Learned, Where are We Going? (Summer 1999). URL: <https://ssrn.com/abstract=909208> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.909208>
35. Garrett B. The Myth of the Presumption of Innocence / Texas Law Review. Vol. 94. No. 178. April 29. 2016. URL: <https://ssrn.com/abstract=2772661>
36. Cottone M. Rethinking Presumed Knowledge of the Law in the Regulatory Age // Tennessee Law Review. Vol. 82. No. 137. Winter 2015. URL: <https://ssrn.com/abstract=2584034>
37. Jameson F. Marxism and Form. Princeton, 1971. P. 105.
38. Jameson F. Postmodernism, or The Cultural Logic of Late Capitalism // New Left Review. I. No. 146. July–August 1984.
39. Kalhan A. Rethinking Immigration Detention / Columbia Law Review Sidebar. Vol. 110. P. 42. July 2010 // Drexel University Earle Mack School of Law Research Paper. No. 1556867. URL: <https://ssrn.com/abstract=1556867>
40. Kingsbury B. The International Legal Order. Oxford University Press, 2003. URL: <https://ssrn.com/abstract=692626> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.692626>
41. Misch G. Vorbericht. In: V, LXII.
42. Schanck P. Understanding Postmodern Thought and Its Implications, 65 S. CAL. L. REV. 2505, 2508 (1992).
43. Scott-Hayward C. Rethinking Federal Diversion: The Rise of Specialized Criminal Courts // Berkeley Journal of Criminal Law. 22(2). 47. April 28, 2017. URL: <https://ssrn.com/abstract=2956021>
44. Toscano A. Against Speculation, or, A Critique of the Critique of Critique: A Remark on Quentin Meillassoux's After Finitude (After Colletti) // The Speculative Turn: Continental Materialism and Realism / L. Bryant, N. Srnicek, G. Harman (end.). Melbourne, 2010. P. 87.
45. Weissmann A. Rethinking Criminal Corporate Liability / Indiana Law Journal. Vol. 82. No. 2. Spring 2007. URL: <https://ssrn.com/abstract=979055>

REFERENCES

1. Alekseev S.S. The most sacred thing that God has on earth. Immanuel Kant and the problems of law in the modern era. М., 1998. P. 254 (in Russ.).
2. Anderson P. The Origins of postmodernism / transl. from the English by A. Appolonov, ed. by M. Mayatsky. М., 2011. P. 106, 107 (in Russ.).
3. Architecture and Philosophy. Interview with Jacques Derrida. Leningrad — Paris // Conversation. Religious and philosophical journal. 1986. No. 4. P. 120, 121, 136 (in Russ.).
4. Bauman Z. The dispute about postmodernism // Sociological Journal. 1994. No. 4. P. 69–80 (in Russ.).
5. Bachilo I.L. State and law of the XXI century. Real and virtual. М., 2012. P. 7 (in Russ.).
6. Bibikhin V.V. Property. The philosophy of the. SPb., 2012. P. 138 (in Russ.).
7. Baudrillard J. Consumer society. His myths and structures / translated from French, afterword and note by E.A. Samarskaya, М., 2006. P. 64 (in Russ.).
8. Gaidenko P.P. The formation of New European natural science: overcoming the paradoxes of the actual infinite // Metaphysics. 2011. No. 1 (1). P. 65–87 (in Russ.).

9. *Guthrie U.K.C.* History of Greek Philosophy 6 in 6 vols. I: Early Pre-Socratics and Pythagoreans / transl. from English ed. and with the note of L. Ya. Zhmudya. SPb., 2015. P. 727 (in Russ.).
10. *Herder I.G.* Selected writings / transl. from German. M.; L., 1959. P. 10, 11, 13, 302 (in Russ.).
11. *Goethe I.* Faust / transl. B. Pasternak, intro. art. and comm. N. Wilmont. M., 1960 (in Russ.).
12. *Gogol N.V.* The complete works: in 14 vols. L., 1952. Vol. 13. P. 435–446 (in Russ.).
13. *Gorban V.S.* Qualified reader or interpreter: on the researcher's attitude to the sources of knowledge of legal and political doctrines // Law and Politics. 2021. No. 9. P. 133–142 (in Russ.).
14. *Grechko P.K.* Intellectual import, or About peripheral post-modernism // Social Sciences and modernity. 2000. No. 2. P. 166–177 (in Russ.).
15. *Grotius H.* On the law of war and peace: reprint ed. 1956, M., 1994. P. 67, 84 (in Russ.).
16. *Damaskin O.V.* The state and the law in the conditions of the crisis of modern civilization // Citizen. Elections. Power. 2020. No. 2 (16) (in Russ.).
17. *Descartes Rene.* Selected works / transl. from French and Latin. M., 1950. P. 369, 428 (in Russ.).
18. *Jamison F.* Marxism and the interpretation of culture / transl. from English M., Ekaterinburg, 2014. P. 289 (in Russ.).
19. *Dilthey V.* Collected works: in 6 vols. Vol. 1. Introduction to the sciences of the spirit / ed. by A.V. Mikhailov and N.S. Plotnikov; transl. from German ed. by B.C. Malakhov. M., 2000. P. 114, 147, 148 (in Russ.).
20. *Dostoevsky F.M.* Diary of a writer. 1876. April. Ch. 2. L., 1994 (in Russ.).
21. *Dostoevsky F.M.* Collected works: in 9 vols. Vol. 9: in 2 books. Book 2: Diary of a writer. M., 2007. P. 107 (in Russ.).
22. *Zorkin V.D.* The law of force and the power of law: a lecture for participants of the V International. legal forum. St. Petersburg, May 28, 2015 (in Russ.).
23. *Liotar Zh.-F.* The state of postmodernity / transl. from French N.A. Shmatko. M., 1998. P. 12 (in Russ.).
24. *Mazilov V.A.* The subject of psychological science and philosophy of psychology // Fundamental and applied research of modern psychology: results and prospects of development / ed. A.L. Zhuravlev, V.A. Koltsova. M., 2017. P. 108–115 (in Russ.).
25. *Petrovskaya E.V.* Postmodernism // New philosophical encyclopedia: in 4 vols. M., 2010. Vol. 3. P. 297 (in Russ.).
26. *Savenkov A.N.* State and law during the crisis of modern civilization. M., 2020 (in Russ.).
27. *Toffler E.* Futurshok / transl. from English. SPb., 1997. P. 320–323 (in Russ.).
28. *Toffler E.* The Shock of the future / transl. from English. M., 2002 (in Russ.).
29. *Frank S.L.* Reality and man. Metaphysics of human existence. Paris, 1956. P. 378 (in Russ.).
30. *Hassan I.* To the concept of postmodernism // Hassan I. Post-modernist turn. 1987 (in Russ.).
31. *Chestnov I.L.* Legal understanding in the Postmodern era // Jurisprudence. 2002. No. 2 (241). P. 4 (in Russ.).
32. *Shene M.* Permanent crisis. The growth of the financial aristocracy and the defeat of democracy / transl. from French by M. Mayatsky, A. Shargorodsky; ed. by M. Mayatsky. M., 2017. P. 26 (in Russ.).
33. *Shchelkin A.G.* Postmodernism – a completed project. Is a renaissance of classics possible? // “Russian Thought” – Historical and methodological seminar in the Russian Academy of Sciences. January 18, 2013 (in Russ.).
34. *Bilder R.* Rethinking International Human Rights: What Have We Learned, Where are We Going? (Summer 1999). URL: <https://ssrn.com/abstract=909208> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.909208>
35. *Garrett B.* The Myth of the Presumption of Innocence / Texas Law Review. Vol. 94. No. 178. April 29, 2016. URL: <https://ssrn.com/abstract=2772661>
36. *Cottone M.* Rethinking Presumed Knowledge of the Law in the Regulatory Age // Tennessee Law Review. Vol. 82. No. 137. Winter 2015. URL: <https://ssrn.com/abstract=2584034>
37. *Jameson F.* Marxism and Form. Princeton, 1971. P. 105.
38. *Jameson F.* Postmodernism, or The Cultural Logic of Late Capitalism // New Left Review. I. No. 146. July–August 1984.
39. *Kalhan A.* Rethinking Immigration Detention / Columbia Law Review Sidebar. Vol. 110. P. 42. July 2010 // Drexel University Earle Mack School of Law Research Paper. No. 1556867. URL: <https://ssrn.com/abstract=1556867>
40. *Kingsbury B.* The International Legal Order. Oxford University Press, 2003. URL: <https://ssrn.com/abstract=692626> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.692626>
41. *Misch G.* Vorbericht. In: V, LXII.
42. *Schanck P.* Understanding Postmodern Thought and Its Implications, 65 S. CAL. L. REV. 2505, 2508 (1992).
43. *Scott-Hayward C.* Rethinking Federal Diversion: The Rise of Specialized Criminal Courts // Berkeley Journal of Criminal Law. 22(2). 47. April 28, 2017. URL: <https://ssrn.com/abstract=2956021>
44. *Toscano A.* Against Speculation, or, A Critique of the Critique of Critique: A Remark on Quentin Meillassoux's After Finitude (After Colletti) // The Speculative Turn: Continental Materialism and Realism / L. Bryant, N. Srnicek, G. Harman (ed.) Melbourne, 2010. P. 87.
45. *Weissmann A.* Rethinking Criminal Corporate Liability / Indiana Law Journal. Vol. 82. No. 2. Spring 2007. URL: <https://ssrn.com/abstract=979055>

Сведения об авторе

БОЧКАРЁВ Сергей Александрович – доктор юридических наук, научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

BOCHKAREV Sergey A. – Doctor of Law, research associate, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia